

Понтий Пилат как герой нашего времени: булгаковский Пилат в контексте французской литературы XX века

В «Мастере и Маргарите» античные главы составляют «роман о Пилате». В этом отношении этот текст вписывается в ряд произведений XX века, в которых прокуратор Иудеи становится главным героем евангельского сюжета. В статье рассматриваются французские повести, пьесы и романы о Пилате — от «Прокуратора Иудеи» Анатоля Франса (1891) до «Евангелия от Пилата» Эрика-Эммануэля Шмитта (2000). Основное внимание уделяется не влияниям и переключкам, а созданию современного образа прокуратора как посредственного представителя власти, вынужденного принять судьбоносное решение. На фоне разных трактовок образа и сюжета выявляется специфика булгаковского романа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Понтий Пилат, М. А. Булгаков, французская литература XX века, Евангелие.

L. Troubetzkoy

**PONTIUS PILATE AS A HERO OF OUR TIME:
BULGAKOV'S PILATE IN THE CONTEXT OF 20TH CENTURY
FRENCH LITERATURE**

In the *Master and Margarita*, the Yershalaim chapters constitute a «novel about Pilate». In this respect, the Master's novel fits into a series of literary works of the 20th century, in which the procurator of Judea becomes the main protagonist of the gospel story. The article examines French short stories, plays and novels where Pilate is the eponymous hero — from *The procurator of Judea* by Anatole France (1891) to *The Gospel of Pilate* by Eric-Emmanuel Schmitt (2000). The emphasis is put not on the influence and literary allusions but on creating a modern image of the procurator as an average representative of the authorities, forced to take on a seemingly routine, but in fact fateful decision. These

works offer different interpretations of the character, but all of them emphasize, as does Bulgakov, his difficult response to a confrontation with new spiritual values.

KEY WORDS: Pontius Pilate, M. Bulgakov, 20-th century French literature, Gospels.

Еще в эссе «*Пилат и Иисус*» итальянский философ Джорджио Агамбен писал, что «библейский Пилат призван стать персонажем», и цитировал слова швейцарского философа Иоганна Лафатера из письма к Гёте 1781 года:

Я все в нем нахожу: небо, землю и ад, добродетель и порок, мудрость и безумие, судьбу и свободу [Agamben: 12]¹.

Однако полноценным литературным героем прокуратор Иудей² стал лишь к концу XIX века, особенно заметно проявившись во французской литературе, где, если учесть малоизвестные тексты, насчитывается более десятка произведений, ему посвященных. Цель этой статьи — представить французских «родственников» булгаковского Пилата. В ней пойдет речь не о возможных или невозможных источниках и влияниях, а об общей тенденции к очеловечению и осовремениванию образа, в которую вписывается и герой булгаковского Мастера.

Как известно, на образ Пилата в современной литературе и, в частности, у Булгакова повлиял ряд разных, довольно противоречивых по отношению друг к другу, источников. Помимо канонических евангелий и сочинений древних авторов (главным образом Иосифа Флавия и Филона Александрийского), Пилату посвящены разные апокрифы, в которых он представлен то как человек, близкий к обретению христианской веры, то как жестокий представитель бездушной власти. На Западе впоследствии стала преобладать вторая интерпретация: о Пилате знали главным образом по широко читаемой «*Золотой легенде*» — собранию житий святых и христианских легенд, составленному в XIII веке монахом *Иаковом Ворагинским*, — прокуратор показан в этом издании в негативном свете (именно здесь он — сын Пилы, дочери мельника Атуса).

Когда в середине XIX века образ Пилата появился во французской литературе как эпизодический персонаж,

он еще носил следы этой отрицательной оценки. Так, в поэме *Виктора Гюго «Конец Сатаны»* прокуратор Иудеи олицетворяет мрачное высокомерие и равнодушные власти:

Сидит Понтий Пилат, рассеянный, спокойный, вялый. Его нога, обутая в пурпур, покоится на белом мраморе³.

Однако, когда народ требует освобождения Варравы, Пилат у Гюго «задумывается и умывает руки». В этой отмеченной вскользь задумчивости — зародыш современной трактовки образа.

Прокуратор Иудеи присутствует и в неоконченном романе *Александра Дюма «Исаак Лакедем»*, начало которого (42 главы) было напечатано в 1853 году. Дюма задумал свой роман как историю человечества от времени жизни Христа до времен светлого будущего. В центре действия — образ Агасфера, который здесь воплощает собой Исаак Лакедем. Пилат присутствует в пяти главах. Он считает Иисуса праведником и пытается его спасти, но, опасаясь доноса Тиверию (автор не осуждает героя за трусость), нехотя отправляет на казнь. В этом романе впервые намечается очеловечивание Пилата, хотя повествовательная манера Дюма не оставляет много места для психологического анализа.

Забывчивый старик, изнеженный трус и колониальный чиновник

Центральную сюжетную роль Пилат начинает играть в произведениях, написанных в конце XIX — начале XX века, и прежде всего в рассказе (или короткой повести) Анатоля Франса «Прокуратор Иудеи». Это сочинение было впервые опубликовано (не без иронии — как рождественский рассказ) 25 декабря 1891 года в солидной и широко читаемой газете «Le Temps» («Время») и два года спустя вошло в сборник «Перламутровый футляр». По сюжету Франса, старый Пилат (события в рассказе представлены его глазами) живет в отставке в Сицилии, где он случайно встречается с Ламией, с которым дружил в Иудее много лет назад. Вспоминая те времена, он говорит только о политических интригах, о подвояхах ненавистных ему евреев и неприязни к нему Вителлия, проконсула Сирии. В конце разговора Ламия спрашивает Пилата, не помнит ли он «молодого галилейского чудотворца», и поясняет: «Он называл себя Иисусом Назарейским,

и был распят не помню за какое преступление»⁴ (Ламия случайно запомнил имя). Пилат напрягает память и отвечает: «Нет, не помню». Будучи скептиком с налетом модного тогда позитивизма, Франс идет наперекор христианской традиции и фактически следует мнению Эрнеста Ренана, который в «Жизни Иисуса» (1863) писал, что вряд ли Пилат запомнил казненного Иисуса⁵. Пилат Франса целиком принадлежит политической сфере: всю жизнь заботясь только о собственной карьере, он не отметил для себя казнь Иисуса как событие.

На другом полюсе идеологического спектра под пером ныне забытого католического поэта, драматурга и журналиста Луи Мерсье (1870–1951) возник другой образ — малодушного прокуратора, посылающего на казнь человека, которого он действительно считает невиновным. В двухактной, написанной александрийским стихом пьесе Мерсье «Понтий Пилат» (1910) показано, что во время крестного пути Иисуса на Голгофу и его распятия Пилат находится в домашнем кругу, пирует с гостями, а о развитии событий, связанных с Иисусом, ему докладывает кентурион. Изнеженный и пошловатый Пилат, опасаясь «осложнений», отвергает попытку своей жены заступиться за Иисуса, и та, «скорее с жалостью, чем с презрением»⁶, называет мужа трусом. На этом кончается пьеса, впервые показавшая Пилата как посредственного и трусливого человека.

Новый поворот в трактовке образа произошел в 1930-е годы — в рассказе Поля Клоделя «Точка зрения Понтия Пилата», опубликованном в 1933 году в литературном журнале «La Nouvelle Revue Française».

Рассказ написан как монолог Пилата, в котором бывший прокуратор Иудеи пытается оправдать себя: в том «судебном эпизоде»⁷ (так он называет суд над Иисусом), он только выполнил свои обязанности «согласно процедуре», его совесть чиста, все сработало само собой и т. д. Лексика монолога своеобразна: Пилат говорит и как древний римлянин, и как французский колониальный бюрократ XX века: с латинскими терминами соседствуют такие современные слова и понятия: *sieste* (полуобеденный сон), *fonctionnaire colonial* (колониальный чиновник), *les bureaux* (канцелярии, департаменты) и даже *valise diplomatique* (дипломатическая почта) (птиц для ритуала гадания он выписывал из Рима «через диппочту»). Подобные анахронизмы не только обуславливают комический эффект, но и создают впечатление, что Пилат говорит в наше время или даже в некоем безвременном

хронотопе (вроде чистилища или ада). Несмотря на якобы чистую совесть, клоделевский «вечный» Пилат мучается, но, в отличие от булгаковского Пилата, не понимает или не хочет понять — почему.

Пилат, показавший характер, и прощенный Пилат

Во французской послевоенной литературе Пилата не было⁸. Лишь в 1961 году этот образ появился и получил новое освещение в повести *Роже Кайуа «Понтий Пилат»*⁹. В плане поэтики повесть построена более традиционно, нежели рассмотренные выше произведения: рассказ ведется от третьего лица всеведущим повествователем, повествовательное время — прошедшее. Действие длится сутки — от ареста Иисуса до окончательного решения о его дальнейшей судьбе. Пилат Иисусом нисколько не потрясен, воспринимая его как полусумасшедшего, хотя и безобидного проповедника, но хочет его спасти — и из чувства справедливости, и еще потому, что ему надоели интриги еврейских священников. Однако Пилат колеблется: все его окружение советует (по разным причинам) подтвердить приговор. Он проводит бессонную ночь, взвешивая аргументы «за» и «против» — и на этом кончается последняя глава... В эпилоге мы узнаем, что наутро, вопреки всем ожиданиям, Пилат объявил Иисуса невиновным и освободил его. Иисус проповедовал свое учение до глубокой старости, к его могиле ходили паломники, но со временем о нем забыли — и христианства не было. История человечества пошла другим путем.

Кайуа был прежде всего эссеистом, культурологом, писал о религиях, значении игры для человека, взаимоотношении человеческого сознания и форм природы. В 1950-е годы он увлекался творчеством Борхеса и опубликовал первый сборник его рассказов на французском языке. У аргентинского писателя он, по-видимому, и позаимствовал идею «расходящихся тропок» и альтернативной истории, написав о Пилате психологическую повесть с неожиданной концовкой. Несмотря на античный колорит повести и отсутствие анахронизмов, Кайуа по-своему осовременивает образ прокуратора: его Пилат — человек с интеллектуальным багажом, изучивший философию греческих стоиков, помнящий об идеалах своей молодости, но в профессиональной практике удалившийся от них во избежание неприятностей и теперь страдающий от этого разрыва. Окончательное решение он принимает, чтобы наконец показать характер и вновь обрести самоуважение.

Наиболее актуальной тема Пилата оказалась начиная с 1980-х годов, когда его новый образ стал появляться во французской литературе практически каждое десятилетие. Все эти новые Пилаты близки к христианской трактовке.

В 1983 году вышла повесть Жана Грожана «Пилат». Жан Грожан — писатель, малоизвестный широкой публике. Он автор стихов, эссе и повестей о библейских персонажах. Как и Клодель, он был верующим католиком (и даже священником, хотя позже отказался от сана ради возможности жениться), однако у Грожана Пилат совсем другой. Повесть написана в своеобразной манере — очень сжатой прозой, в которой сочетаются поэтическое восприятие природы, напряженные диалоги и рассказ о растущей растерянности героя. Пилат у Грожана — опытный сановник, но несколько тугодум. Во время допроса Иисуса «он впервые почувствовал, что принять решение — ответственное дело»¹⁰, но и тогда не сразу понял, что именно за этим кроется. После того как все его попытки спасти обвиняемого оказались напрасными, Пилат чувствует себя подавленным. В опалу он попадает позднее из-за другого дела — он и его жена покидают пределы римской империи и живут в хижине на лоне природы, что отчасти напоминает «вечный приют» Мастера и Маргариты. Пилат долго остается в состоянии прострации, но постепенно выздоравливает: ему является большой ангел и умывает ему ноги; во взгляде ангела Пилат узнает глаза Иисуса. Он обретает искупление, и ему не важно, жив он или уже покинул земное измерение.

В повести Грожана важную сюжетную роль играет жена Пилата. У Франса этого персонажа вовсе не было, у Клоделя и Кайуа был упомянут лишь ее сон. Здесь она — настоящий духовный стимул для прокуратора: она осуждает утверждение приговора Иисусу, но не винит мужа, не называет его трусом (как у Мерсье), а поддерживает до конца, способствуя его позднему прозрению. Как и в следующих произведениях о Пилате, супружеская любовь — первый этап на пути к божественной любви.

Романы о Пилате

До сих пор мы имели дело с короткими произведениями, в центре сюжета которых — решение о судьбе Иисуса, принятое Пилатом (даже у Франса, где бывший прокуратор забыл о деле Иисуса, вся повесть написана ради этой конечной

пуанты). Начиная с Клоделя в изображении Пилата преобладал не *хронос* — время в обычном своем течении, могущее принести и забвение, а *кайрос* — критический момент принятия поворотного решения¹¹. В двух произведениях, о которых пойдет речь далее, образ Пилата существенно отличается по подаче: объем этих книг больше, время в них течет медленнее и в фабуле роковому дню суда, моменту *кайроса*, уделяется значительно меньше места, хотя этот момент и остается судьбоносным.

В книге *Анн Бернэ «Мемуары Понтия Пилата»*, вышедшей в 1998 году¹², Пилат, будучи уже стариком, повествует о всей своей жизни, начиная с детства. Хотя повествование ведется от первого лица, жанр книги, в начале близкий к беллетризованной биографии, постепенно перетекает в житие: у героя один за другим погибают все дети, он попадает в ссылку при Калигуле, возвращается в столицу при Клавдии, сближается, терзаясь от сознания своей вины и трусости, с обществом христиан и в конце концов при Нероне получает крещение от апостола Петра, зная, что его ждет участь мученика.

В романе *«Евангелие от Пилата»* (2000) франко-бельгийского писателя *Эрика-Эммануэля Шмитта*, сочетающем эпистолярную форму (роман построен в виде писем прокуратора римскому другу) с элементами детектива, возможный путь Пилата к христианству лишь намечен. Действие романа длится несколько недель, причем роковой день суда остается за кадром. Первое письмо написано после погребения Иешуа (так его зовут у Шмитта). Пилат доволен, так как во время еврейской Пасхи особых волнений не было: «...дело обошлось пятнадцатью арестами и тремя распятыми. Рутина»¹³. Но уже в следующем письме он сообщает об исчезновении тела и о слухах о воскресении Иешуа, которого он послал на казнь без особых эмоций, несмотря на заступничество жены (а жену Клавдию Пилат нежно любит). Он ищет рациональное объяснение: тело, конечно, украли. Но Иешуа начинает являться людям из окружения Пилата и даже Клавдии. Тогда Пилат строит другие рациональные гипотезы и проводит следствие, выстаивая ряд гипотез: тот, кто является разным людям, — не Иешуа, а его двойник (может быть его любимый ученик Ионан, принявший облик учителя); Иешуа не умер на кресте, а выжил и т. д. Но гипотезы опровергаются одна за другой, а письма отражают растущую растерянность прокуратора. В последнем из них, написанном через несколько недель

после казни, Пилат, в отличие от жены, не обрел (еще?) веры, но определяет себя как «сомневающегося римлянина».

Можно предположить, что с повестью Анатоля Франса Булгаков мог быть знаком, но он не мог знать ни рассказа Клоделя, ни повести Кайуа, а они, естественно, не могли прочесть роман «Мастер и Маргарита». Зато Грожан, Бернэ и Шмитт могли опираться на булгаковский роман, хотя нигде его не упоминают¹⁴. Каждый из этих французских писателей создал свой образ Пилата, но в каждой из рассмотренных вариаций есть нечто общее с булгаковским образом. У всех, кроме Франса, Пилат — и «сомневающийся римлянин», и герой нашего времени, заурядный представитель власти в незаурядной ситуации, поколебавшей его привычные представления.

Образ «вечного», мучающегося Пилата ввел Клодель, но у него бывший прокуратор только оправдывается, не понимая, почему постоянно вспоминает давний «судебный эпизод». Образ малодушного, хотя рефлексирующего Пилата ввел Кайуа: у него Пилат в последнюю минуту преодолевает малодушие, тем самым изменяя ход человеческой истории. У следующих авторов Пилат становится восприимчивым к учению Иисуса (особенно благодаря жене), и для него начинаются мучительные духовные поиски. У Булгакова же благодаря структуре «романа в романе» Пилат и вписывается в колоритное изображение древнего Ершалаима, и является носителем запретной в советском мире проблематики добра и зла, власти и трусости, вины и прощения. Что же касается жены Пилата, известно, что она присутствовала в ранних редакциях «Мастера и Маргариты», но затем этот образ Булгаков убрал, перенеся функцию женского посредничества на образ Маргариты: в конце романа героиня московской сюжетной линии заступает за Пилата, и ее просьба совпадает с просьбой того, «с кем он так стремится разговаривать»¹⁵.

У французских писателей акцент делается то на стремлении героя вновь обрести самоуважение, то на конфликте политического прагматизма со справедливостью, то на конфликте рационализма и / или трусости с новыми духовными стремлениями.

Характерно, что и в последние годы появляются новые книги о Пилате — приведем в пример рассказ «Пилат. Человек с чистыми руками»¹⁶, драму «Понтий Пилат»¹⁷ и совсем

недавно вышедшее историко-философское эссе под заглавием «Мой брат Понтий Пилат». Их авторы — бывший врач, юрист и бывший дипломат¹⁸. Книги, вышедшие в скромных издательствах с ограниченным кругом читателей, не имеют большой литературной ценности, но свидетельствуют об актуальности образа прокуратора, в том числе для представителей нелитературных профессий: для них Пилат — и «человек-зеркало, показывающий нам наше собственное отражение»¹⁹, и «мост, ведущий от светской к духовной сфере» [Derchef: 76].

Неизвестно, принесет ли нам новые сюрпризы пятый прокуратор Иудеи, родившийся как литературный герой на рубеже XIX и XX веков, но обо всех ипостасях этого героя нашего времени можно говорить словами Жана Грожана:

Разве наша видимая свобода и даже наш видимый авторитет не оказываются зачастую в той же ловушке? Пилат — это мы в нашей деятельной жизни [Grosjean 1988: 64].

Примечания

- 1 Здесь и далее перевод цитат наш.
- 2 Вслед за А. Франсом, М. Булгаковым и другими авторами мы сохранили титул прокуратор, хотя известно, что Пилат в описываемый период был на самом деле префектом Иудеи. Префект Иудеи стал прокуратором Иудеи в 44 году при императоре Клавдии.
- 3 Текст поэмы цитируется по изданию: Victor Hugo, *La fin de Satan*, Paris, J. Hetzel & G-A. Quantin, 1886, кн. II.
- 4 Текст рассказа цитируется по изданию: Anatole France, *Le procureur de Judée*, Paris: Rivages poche, 2005. С. 44.
- 5 В «Жизни Иисуса» Э. Ренан пишет: «Получив отставку, Пилат, вероятно, совсем и не думал об эпизоде, которому суждено было передать его печальную славу самому отдаленному потомству» [Ренан].
- 6 Текст пьесы цитируется по изданию: Louis Mercier, *Lazare le resuscité, suivi de Ponce Pilate*, Paris: Calmann-Lévy, 1910.
- 7 Текст рассказа цитируется по изданию: Paul Claudel. *Le point de vue de Ponce Pilate* // NRF № 235 (avril 1933).
- 8 В немецкоязычной швейцарской литературе известен рассказ Фридриха Дюренматта «Pilatus» (1946), впоследствии вошедший в сборник «Город». Это одно из первых произведений писателя, навеянное ужасами войны и холокоста.

- 9 Повесть Кайуа была впервые опубликована в русском переводе в 1968 году в журнале «Наука и религия» (№ 8, 9).
- 10 Текст повести цитируется по изданию: Jean Grosjean, Pilate, Paris: Gallimard, 1983.
- 11 В своем эссе Д. Агамбен подчеркивает, что слово «суд» по-древнегречески — krisis [см.: Agamben]. В свою очередь, в сочинениях Булгакова слово «кризис» играет важную роль, прежде всего в медицинском смысле. Так, кризис — переломный момент, когда решается судьба больного тифом в «Записках на манжетах» и т. д.
- 12 Anne Bernet, Mémoires de Ponce Pilate, Paris: Plon, 1998.
- 13 Текст романа цитируется по изданию: Eric-Emmanuel Schmitt, L'Évangile selon Pilate, Paris, Albin Michel (Le livre de poche), 2016.
- 14 В романе Бернэ встречаются отзвуки из «Мастера и Маргариты»: полет ласточек, перенесенный в воспоминания детства, видение императора Тиверия на Капри во время суда.
- 15 Текст романа цитируется по изданию: Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 5. С. 7–384.
- 16 Michel Suffran, Pilate. L'homme aux mains nettes, Hélette: Jean Curuchet — Éditions Harriet, 1995.
- 17 Alain Didier, Ponce Pilate, Versailles: Via Romana, 2009. Пилат здесь показан как прагматичный и самоуверенный римлянин и осуждается автором. Попытка восстановить классическую традицию пьесы в александрийских стихах неудачна.
- 18 В своем эссе Дершеф проводит параллели со случаями из своего дипломатического опыта в Руанде, Боснии и Израиле.
- 19 Текст рассказа цитируется по изданию: Michel Suffran, Pilate...

Литература

- Agamben G.* Pilate et Jésus. Paris: Payot, 2014 (Rivages).
- Decherf D.* Ponce Pilate, mon frère. Le Plessis-Robinson: France-Empire, 2018.
- Grosjean J.* Araméennes. Paris: Éditions du Cerf, 1988.
- Ренан Э.* Жизнь Иисуса // <http://khazarzar.skeptik.net/books/renan/01/index.html> (дата обращения: 20.09.2018).